

Хроника и смысл безумной войны

В. Ю. Ирхин

М. Веллер, А. Буровский. Гражданская история безумной войны.
М., АСТ, 2007

Книга М. Веллера и А. Буровского дает свежий для российского читателя взгляд на Гражданскую войну – без привычных «школьных» шаблонов и стереотипов. Будучи подана в точно рассчитанной рекламной манере, она действительно способна сильно воздействовать на сознание и привлечь внимание

многих – по крайней мере, тех, кто еще не утратил интереса к своему прошлому и будущему. В то же время книга получилась весьма серьезной, как по фактическому содержанию, так и по поставленным задачам.

Читательскому интересу способствует стиль, свойственный для М. Веллера, – энергичный и свободный, местами практически разговорный. В этом же направлении работает ряд впечатляющих, но малоизвестных исторических реалий, создающих интригу повествования (здесь скорее заслуга А. Буровского, автора недавней книги о проблемах русского православия¹). Достаточно упомянуть партнерские отношения большевиков с Германией, продолжавшиеся и после революции, вплоть до готовности сдать немцам Петроград в 1918 г. (от такого «подарка» те сами отказались). Или трагедию уральских казаков: их большая часть (около 100 000)

была истреблена красными в 1920 г., а остатки бежали в Персию.

В российской революционной истории встречаются почти невероятные совпадения и оставшиеся нераскрытыми тайны. Примеры многочисленны: борьба за власть в большевистской верхушке, истинная роль Дзержинского в левозсеровском заговоре, покушения на Ленина и Урицкого, ранняя смерть Свердлова... Мы никогда не узнаем всей правды. Противоречива также статистика человеческих потерь в ходе революции и войны. Впрочем, фальсификация истории всегда была характерна для России, живущей в условиях безгласности и тотальной несвободы:

Так, одни говорят, что позавчера погибло всего лишь тринадцать человек, в то время как другие называют цифру в тысячу двести, две тысячи, а третьи – в сто пятьдесят: судите сами, насколько неуверены мы во всем, если уж обстоятельства происшествия, случившегося, можно сказать, на наших глазах, навсегда останутся неясными даже для нас самих. (Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году)

Поэтому столь важно добраться до корней и понять причины происшедшего. Хотя во введении прозвучал девиз: «роем глубже» (с.5), авторам не везде это удается. В книге скорее дана широкая панорама и собран большой объем материала. А вот его осмысление уже гораздо сложнее, на что есть причины.

¹ А. Буровский. Несбывшаяся Россия. Эксмо, 2007.

Никогда в мировой истории не случалось события, равного российской Гражданской войне по масштабу, густоте, пестроте и стремительности происходившего. Четыре года на одной шестой части земной суши возникали, сливались, разделялись и рушились десятки государств... Гигантская империя в одночасье рухнула и тут же была восстановлена в прежних размерах, но уже как фантастический по замыслам и надеждам социальный эксперимент. (с.7)

Ничего особенно нового Россия, конечно, не придумала – это не ее жанр. Ее талант скорее в том, чтобы брать на себя мученичество во время высоких идеалов, выработанных другими. В отличие от Запада, главный праздник в России – не Рождество, а Пасха, то есть крестные страдания... По словам маркиза де Кюстина, это государство, где невысказаны счастье и свобода. Еще одна цитата из него звучит горькой и страшной иронией: «Я не устаю повторять: чтобы вывести здешний народ из ничтожества, требуется все уничтожить и пересоздать заново».

События российской гражданской войны повторяют на других (временных, а главное пространственных) масштабах судьбы средневековой Европы, библейскую историю Израиля и его соседей, становление великих азиатских империй, особенно Китая... Но последствия происшедшего для мировой истории действительно колоссальны, и здесь русские пожалуй преуспели больше всех.

Россия всегда стремится на рожон. Ей не дают покоя миссия Третьего Рима, проливы и Константинополь... Кажется, еще недавно был пройден печальный опыт Крымской войны и бесславной японской кампании, но в 1914 г. она снова в первых рядах влезает в окопы мировой войны. После этого революция практически неизбежна – розданное оружие должно выстрелить. А уже Февральская революция открыла двери тюрем, на свободу вышли уголовники...

Густое и страшное время. Спрессованы в считанные недели и месяцы великие, кардинальные перемены во всех сферах жизни! Небывалые потрясения, все с ног на голову, невысказанное стало возможным, небывалое стало обыденным. (с.33)

Эта характеристика русской смуты по духу совершенно апокалиптична. С торжеством революции причинно-следственные связи оказываются порванными, исчезает воздаяние, справедливость превращается в посмешище. Тотальное господство «свободы» ведет к хаосу. Мир переходит в сложнейшее состояние, где закона уже нет – ни общечеловеческого, ни метафизического, – а потому все становятся преступниками, хотя ли они этого или нет. Мученики неоднократно меняются местами с палачами; вчерашние жертвы режима многократно превосходят бывших сатрапов в кровавой жестокости.

А.И. Солженицын, разрабатывая свою концепцию истории, много пишет о ее критических, или особых точках, где реализуется одна из нескольких потенциальных возможностей, «внутренне определяется ход событий, не внешние обязательно события, а внутренние, — те, где история поворачивает или решает»:

В математике есть такое понятие узловых точек: для того чтобы вычерчивать кривую, не надо обязательно все точки ее находить, надо найти только особые точки изломов, повторов и поворотов, где кривая сама себя снова пересекает, вот это и есть узловые точки. И когда эти точки поставлены, то вид кривой уже ясен. И вот я сосредоточился на Узлах, на коротких промежутках, никогда не больше трех недель, иногда две недели, десять дней... (Публицистика, т. 3, с. 194)

И далеко не глуп был Ленин, который точно наносил тактические удары и выбирал момент для захвата власти – «вчера было рано, завтра будет поздно»...

Сейчас детально развиты математические теории катастроф и хаоса, которые как-то описывают критические ситуации. В точке бифуркации система выходит из